

В. Н. Земсков

МАСШТАБ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР (правда и домыслы)

В статье в полемическом плане исследуется масштаб политических репрессий в СССР, дается документально подтвержденная статистика осужденных по обвинениям политического характера. Рассматриваются масштабы раскулачивания крестьян в 1929—1933 гг., результаты проверки и фильтрации побывавших в фашистском плену в период Великой Отечественной войны советских военнослужащих, аргументированно критикуются различные спекуляции вокруг этих проблем.

Ключевые слова: политические репрессии, жертвы, статистика, осужденные, Большой террор, смертность, гуманитарное преступление, раскулаченные, советские военнопленные.

Человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать — будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг — воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций. Все это в полной мере относится к проблеме статистики (масштаба) политических репрессий в СССР. В настоящей статье сделана попытка объективно разобраться в этом остром и болезненном вопросе.

К концу 1980-х годов историческая наука оказалась перед острой необходимостью доступа к секретным фондам силовых ведомств (бывшим и настоящим), так как в литературе, по радио и телевидению постоянно назывались разные оценочные, виртуальные цифры репрессий, ничем не подтвержденные, которые профессиональным историкам нельзя было вводить в научный оборот без соответствующего документального подтверждения.

Во второй половине 1980-х годов сложилась парадоксальная ситуация, когда снятие запрета на публикацию работ и материалов по этой теме сочеталось с традиционным недостатком источниковой базы, так как соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей. По своему стилю и тональности основная масса публикаций периода горбачевской перестройки (да и позднее тоже) носила, как правило, резко разоблачительный характер, находясь в русле развернутой тогда пропагандистской антисталинской кампании (мы имеем, прежде всего, в виду многочислен-

ные публицистические статьи и заметки в газетах, журнале «Огонек» и т.п.). Скучность конкретно-исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной «самодельной статистикой» жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своими гигантскими размерами.

В начале 1989 г. по решению Президиума Академии наук СССР была создана комиссия Отделения истории АН СССР во главе с членом-корреспондентом Академии наук, ныне академиком Ю.А. Поляковым по определению потерь населения. В составе этой комиссии мы в числе первых историков получили доступ к ранее не выдававшейся исследователям статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. Комиссия Отделения истории действовала в конце 80-х — начале 90-х годов, и уже тогда нами была опубликована серия статей по статистике репрессий, заключенных, спецпоселенцев, перемещенных лиц и т.д.¹ В дальнейшем и до настоящего времени мы продолжали эту работу.

Согласно сводной статистике, имеющейся в Отделе регистрации и архивных фондов бывшего КГБ СССР (ныне — ФСБ РФ), за весь советский период (1918—1990 гг.) по обвинениям в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства были осуждены 3 853 900 человек, из них 827 995 приговорены к смертной казни². Несколько иной информацией располагал I спецотдел бывшего МВД СССР (ныне — МВД РФ). По статистике этого спецотдела, в период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. по обвинениям в совершении контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлений было осуждено 4 060 306 человек, из них 799 455 — к высшей мере³.

Несмотря на различие в терминологии, в обоих вышеприведенных источниках речь идет об одних и тех же людях, которых ныне обычно называют осужденными по *политическим* мотивам или жертвами *политических* репрессий. Подавляющее их большинство было осуждено по знаменитой 58-й статье. В статистических выкладках указанных двух ведомств присутствует довольно существенное расхождение, которое, по нашему мнению, объясняется отнюдь не неполнотой сведений бывшего КГБ СССР, а тем, что сотрудники I спецотдела МВД СССР более широко трактовали понятие «политические преступники» и в составленной ими статистике присутствовала значительная «уголовная примесь». В частности, нам известно, что многие уголовники, совершившие крупные хищения государственного и колхозного имущества, учитывались I-м спецотделом как опасные государственные преступники, и по его статистике входят в общее число «контрреволюционеров».

Тем не менее, важно, что статистические показатели I спецотдела МВД и бывшего КГБ, несмотря на расхождения, находятся в рамках одного масштаба. В таблице 1 представлена сравнительная статистика осужденных в 1921—1952 гг. по политическим мотивам (с указанием числа приговоренных к высшей мере) по данным указанных двух источников. По 15-ти годам из 32-х соответствующие показатели МВД и КГБ в точности совпадают (включая 1937—1938 гг.); по остальным же 17-ти годам имеются расхождения, причины которых еще предстоит выяснить.

Таблица 1

Сравнительная статистика осужденных в 1921—1952 гг. по политическим мотивам (по данным I спецотдела МВД СССР и КГБ СССР)*

Годы	По данным I спецотдела МВД СССР		По данным КГБ СССР	
	Всего	Из них к высшей мере	Всего	Из них к высшей мере
1	2	3	4	5
1921	35 829	9 701	35 829	9 701
1922	6 003	1 962	6 003	1 962
1923	4 794	414	4 794	414
1924	12 425	2 550	12 425	2 550
1925	15 995	2 433	16 481	2 433
1926	17 804	990	17 804	990
1927	26 036	2 363	26 036	2 363
1928	33 757	869	33 757	869
1929	56 220	2 109	56 220	2 109
1930	208 069	20 201	208 069	20 201
1931	180 696	10 651	33 539	1 481
1932	141 919	2 728	141 919	2 728
1933	239 664	2 154	239 664	2 154
1934	78 999	2 056	78 999	2 056
1935	267 076	1 229	267 076	1 229
1936	274 670	1 118	114 383	1 118
1937	790 665	353 074	790 665	353 074
1938	554 258	328 618	554 258	328 618
1939	63 889	2 552	66 627	2 601

1	2	3	4	5
1940	71 806	1 649	75 126	1 863
1941	75 411	8 011	111 384	23 726
1942	124 406	23 278	119 445	26 510
1943	78 441	3 579	96 809	12 569
1944	75 109	3 029	82 425	3 110
1945	123 248	4 252	91 526	2 308
1946	123 294	2 896	105 251	2 273
1947	78 810	1 105	73 714	898
1948	73 269	—	72 017	—
1949	75 125	—	74 778	—
1950	60 641	475	60 908	468
1951	54 775	1 609	55 738	1 602
1952	28 800	1 612	30 307	1 611
Всего за 1921—1952 гг.	4 051 903	799 257	3 753 490	815 579

* *Источники:* ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205; *Попов В.П.* Государственный террор в советской России, 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1997. С. 180; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

Сравнительная статистика за 1921—1952 гг. не лишена отдельных страных феноменов. Так, по учету КГБ (ФСБ) за этот период осужденных «контрреволюционеров» получается почти на 300 тыс. меньше, чем по статистике I спецотдела МВД, а приговоренных к смертной казни в их составе — на 16,3 тыс. человек больше. Конечно, основная причина такой ситуации кроется в данных за 1941 г., когда органы госбезопасности учли 23 726 приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, а I спецотдел НКВД — только 8 011.

В подлинной, подтвержденной документами статистике особое место занимают два года (1937 и 1938), известные как годы Большого террора, когда наблюдался резкий взлет (или скачок) масштаба политических репрессий. За эти два года было осуждено по обвинениям политического характера 1 млн 345 тыс. человек, или 35% от общего их числа за период 1918—1990 гг. Еще более впечатляющая картина по статистике приговоренных к смертной казни из их числа. Всего за весь советский период их было 828 тыс., из них 682 тыс. (или свыше 82%) приходится на эти два года (1937—1938). На остальные 70 лет советского периода приходится в общей сложности 146 тыс. смертных приговоров по политическим мотивам, или менее 18%.

Эта статистика уже более 20-ти лет как введена в научный оборот и используется в трудах профессиональных историков. Но дальше этого круга она почти не выходит, так как в публицистике, в средствах массовой информации она довольно дружно отвергается, и там предпочитают озвучивать на многомиллионную аудиторию всякого рода «статистику» заведомо ложного характера, как правило, многократно преувеличенную и документами опровергаемую. Говорится о каких-то десятках миллионов жертв политических репрессий, иногда даже доходит до сотен миллионов. Иначе как статистическим шарлатанством мы не знаем, как это назвать.

Большой резонанс в обществе вызвала публикация Р.А. Медведева в «Московских новостях» (ноябрь 1988 г.) о статистике жертв сталинизма⁴. По его подсчетам, за период 1927—1953 гг. было репрессировано около 40 млн человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 г. и др. В 1989—1991 гг. эта цифра была одной из наиболее популярных при пропаганде преступлений сталинизма и довольно прочно вошла в массовое сознание.

На самом деле такого количества (40 млн) не получается даже при самом расширенном толковании понятия «жертвы репрессий». В эти 40 млн Р.А. Медведев включил 10 млн раскулаченных в 1929—1933 гг. (в действительности их было около 4 млн), почти 2 млн выселенных в 1939—1940 гг. поляков (в действительности — около 380 тыс.), и в таком духе абсолютно по всем составляющим, из которых слагалась эта астрономическая цифра.

Однако эти 40 млн скоро перестали удовлетворять «растущим потребностям» определенных политических сил в очернении отечественной истории советского периода. В ход пошли «изыскания» американских и других западных советологов, согласно которым в СССР от террора и репрессий погибли 50—60 млн человек. Как и у Р.А. Медведева, все составляющие подобных расчетов были чрезвычайно завышены; разница же в 10—20 млн объяснялась тем, что Р.А. Медведев начинал отсчет с 1927 г., а западные советологи — с 1917 г. Если Р.А. Медведев оговаривал в своей статье, что репрессии не всегда смерть, что большая часть раскулаченных осталась жива, что из репрессированных в 1937—1938 гг. расстреляна меньшая часть и т.д., то ряд его западных коллег называли цифру в 50—60 млн человек как физически истребленных и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др. Словом, потрудились над выполнением заказов политиков и спецслужб своих стран с целью дискредитировать в наукообразной форме своего противника по «холодной войне», не гнушаясь фабриковать прямую клевету.

Это, конечно, не означает, что в зарубежной советологии не было исследователей, старавшихся объективно и добросовестно изучать

советскую историю. Крупные ученые, специалисты по советской истории А. Гетти (США), С. Виткрофт (Австралия), Р. Дэвис (Англия), Г. Риттершпорн (Франция) и некоторые другие подвергли открытой критике исследования большинства советологов и доказывали, что в действительности число жертв репрессий, коллективизации, голода и т.д. в СССР было значительно меньше⁵.

Однако труды именно этих зарубежных ученых с их несравненно более объективной оценкой масштабов репрессий у нас в стране замалчивались. В массовое сознание активно внедрялось только то, что содержало недостоверную, многократно преувеличенную статистику репрессий. И мифические 50—60 млн скоро затмили собой в массовом сознании роймедведевские 40 миллионов.

Поэтому, когда председатель КГБ СССР В.А. Крючков в своих выступлениях по телевидению (1990) называл подлинную статистику политических репрессий (он неоднократно приводил данные по учету в КГБ СССР за 1930—1953 гг. — 3 778 234 осужденных политических, из них 786 098 приговоренных к расстрелу)⁶, то многие в буквальном смысле не верили своим ушам, полагая, что ослышались. Журналист А. Мильчаков в 1990 г. делился с читателями «Вечерней Москвы» своим впечатлением от выступления В.А. Крючкова: «...И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей “Вечерней Москвы” еще раз внимательно прочитать произведение А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”, прошу ознакомиться с опубликованными в “Московском комсомольце” исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50—60 миллионов человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден»⁷.

Можно констатировать, что информационное противостояние Крючков — Мильчаков в плане влияния на массовое сознание завершилось победой последнего. Почему так произошло? Мильчаков довольно эффектно встал в позу «борца за историческую правду» (на самом деле все было с точностью до наоборот — он в данном случае осознанно или не совсем осознанно выступал как борец за историческую неправду). Ни Солженицын, ни американские советологи, на которых ссылался Мильчаков, не имели доступа в советские секретные архивы, и, следовательно, вся их «статистика» является не более чем плодом их собственного фантазирования. Это понятно профессиональным историкам, но далеко не всем из многомиллионной читательской аудитории, и на их недостаточной компетентности активно спекулировали Мильчаков и ему подобные. На этой зыбкой «источни-

ковой» базе (фактически у него не было никакой источниковой базы) Мильчаков в эмоциональной форме, не без использования действенных методов «психологической войны», как бы «опроверг» те цифры (в действительности достоверные), которые называл Крючков. Это был один из методов обработки общественного сознания, чем-то похожий на зомбирование, по результатам которого подлинная, зафиксированная в документах статистика репрессий в сознании людей отторгалась.

Однако и это еще не было пределом обольщивания общественности. В июне 1991 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. Из него мы узнаем следующее: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 миллиона человек! Итак, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 миллионов человек!»⁸

Формулировкой «от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения» А.И. Солженицын все людские потери в Великой Отечественной войне (сильно преувеличенные) фактически приравнял к умершим и погибшим в результате коллективизации и голодомора, которые многими историками и публицистами включаются в число жертв политического террора и репрессий. Мы же склонны решительно дистанцироваться от подобного приравнивания.

В средствах массовой информации время от времени, но довольно регулярно приводилась статистика политических репрессий по воспоминаниям О.Г. Шатуновской. Она — бывший член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов во времена Н.С. Хрущева. В 1990 г. в «Аргументах и фактах» были опубликованы ее воспоминания, где она, ссылаясь на некий документ КГБ СССР, впоследствии якобы тайно и исчезнувший, отмечала: «...С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн 840 тыс. “врагов народа”. Из них 7 млн было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях»⁹.

Мотивы поступка О.Г. Шатуновской не совсем понятны: то ли она сознательно выдумала эти цифры с целью мести (она была репрессирована), то ли сама стала жертвой какой-то дезинформации. Во всяком случае, документально подтвержденными данными, представленными в таблице 1, ее «статистика» безоговорочно опровергается.

Утверждение О.Г. Шатуновской «большинство остальных погибло в лагерях» (надо полагать, 7—10 млн, если считать от ее виртуальных почти 13 млн «остальных»), разумеется, тоже не соответствует истине. Подобные утверждения могут восприниматься как достоверные только в той среде, где господствуют ошибочные представления, что в ГУЛАГе якобы умерли и погибли десятки миллионов людей. Детальное же изучение статистической отчетности о смертности заключенных дает иную картину. За 1930—1953 гг. в местах лишения свободы (лагеря, колонии и тюрьмы) умерло около 1,8 млн заключенных, из них почти 1,2 млн — в лагерях и свыше 0,6 млн — в колониях и тюрьмах¹⁰. Эти подсчеты не оценочные, а основаны на документах. И здесь возникает непростой вопрос: какова доля политических среди этих 1,8 млн умерших заключенных (политических и уголовных). Ответа на этот вопрос в документах нет. Думается, что политические составляли примерно одну треть, т.е. порядка 600 тыс. Этот вывод базируется на том факте, что осужденные за уголовные преступления обычно составляли примерно 2/3 заключенных.

Наивысший уровень смертности имел место в 1942—1943 гг. — за эти два года в лагерях, колониях и тюрьмах умерло 661,0 тыс. заключенных, что в основном являлось следствием значительного урезания норм питания в связи с чрезвычайной военной обстановкой. В дальнейшем масштабы смертности стали неуклонно снижаться и составили в 1951—1952 гг. 45,3 тыс. человек, или в 14,6 раз меньше, чем в 1942—1943 гг.¹¹ При этом хотелось бы обратить внимание на один любопытный нюанс: по имеющимся у нас данным за 1954 г., среди свободного населения Советского Союза на каждые 1 000 чел. умерло в среднем 8,9 чел., а в лагерях и колониях ГУЛАГа на каждые 1 000 заключенных — только 6,5 чел.¹²

Общее число заключенных (суммарно политических и уголовных) во всех местах лишения свободы (лагеря, колонии, тюрьмы) на определенные даты редко когда превышало 2,5 млн. Обычно оно колебалось в разные периоды в пределах от 1,5 млн до 2,5 млн. Наивысшее количество заключенных за всю советскую историю нами зафиксировано по состоянию на 1 января 1950 г. — 2 760 095 человек, из них 1 416 300 — в лагерях, 1 145 051 — в колониях и 198 744 — в тюрьмах¹³.

Поэтому нельзя всерьез воспринимать, к примеру, заявления известного публициста А.В. Антонова-Овсеенко, уверявшего в 1991 г. читателей «Литературной газеты», что после войны в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось 16 млн заключенных¹⁴. Надо понимать, что на ту дату, которую имеет в виду Антонов-Овсеенко (1946 г.), в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 млн, а 1,6 млн заключенных. Следует все-таки обращать внимание на запятую между цифрами.

Обладая документально подтвержденными доказательствами, что статистика О.Г. Шатуновской недостоверна, мы в 1991 г. на страницах академического журнала «Социологические исследования» опубликовали соответствующие опровержения¹⁵.

Казалось, что с версией Шатуновской еще тогда вопрос был решен. Но не тут-то было. И по радио, и по телевидению продолжали пропагандироваться ее цифры в довольно навязчивой форме. Например, 5 марта 1992 г. в телевизионной вечерней программе «Новости» диктор Т. Комарова вещала на многомиллионную аудиторию о 19 млн 840 тыс. репрессированных, из них 7 млн расстрелянных в 1935—1940 гг. как о якобы безусловно установленном факте. И это происходило в то время, когда историческая наука доказала недостоверность этих сведений и располагала подлинной статистикой.

За счет 10-кратного преувеличения реальных масштабов жертв Большого террора в СССР в 1937—1938 гг. (с почти 0,7 млн до 7 млн) отодвигается на второй план совершенное нацистами во главе с Гитлером и Гиммлером действительно самое чудовищное гуманитарное преступление XX века — Холокост (уничтожение 6 млн евреев). Гитлер, Гиммлер и иже с ними уже не выглядят главными гуманитарными преступниками XX века (каковыми они в действительности были), так как на первый план выдвигается тогдашнее советское руководство во главе со Сталиным. И достигается эта поразительная «рокировка» посредством откровенного статистического мошенничества, в результате чего жертв политических репрессий в СССР в 1937—1938 гг. (приговоренных к расстрелу) становится на 1 млн больше, чем жертв Холокоста (на самом же деле их было примерно на 5,3 млн меньше).

Именно под углом зрения указанной «рокировки» обработано и западное общественное мнение. Здесь особенно «постарался» уже упоминавшийся публицист А.В. Антонов-Овсеенко, который в своей книге «Портрет тирана», изданной в 1980 г. в США на английском языке, уверял, что в 1935—1940 гг. в СССР по обвинениям политического характера якобы было расстреляно 7 млн человек¹⁶. На фоне этой фальшивой статистики Большого террора в СССР масштабы Холокоста, конечно же, блекнут.

Грандиозной мистификацией является прочно внедренный в массовое сознание известный миф о тотальном (или почти тотальном) репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. Мифология выстроена, как правило, в самых мрачных и зловещих тонах. Это касается различных публикаций, издававшихся на Западе, и публицистики в нашей стране. Для того чтобы представить процесс репатриации советских военнопленных в СССР из Германии и других стран и его последствия в максимально

жутком виде, используется исключительно тенденциозный подбор фактов, что само по себе уже является изошренным способом клеветы. В частности, смакуются подчас жуткие сцены насильственной репатриации личного состава коллаборационистских воинских частей, а соответствующие выводы и обобщения переносятся на основную массу военнопленных, что в принципе неправильно. Соответственно этому и их репатриация, в основе которой, несмотря на все издержки, лежала естественная и волнующая эпопея обретения Родины многими сотнями тысяч людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями, трактуется как направление чуть ли не в «чрево дьявола». Причем и тенденциозно подобранные факты подаются в искаженном виде с заданной интерпретацией, буквально навязывая читателю абсурдный вывод, будто репатриация советских военнопленных осуществлялась якобы только для того, чтобы их в Советском Союзе репрессировать, а других причин репатриации вроде бы и не было.

Однако приведенные в таблице 2 данные решительно не подтверждают столь пессимистических оценок. Напротив, они вдребезги разбивают миф о якобы чуть ли не поголовном репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. В эту статистику вошли 1 539 475 военнопленных, поступивших в СССР за период с октября 1944 г. и до 1 марта 1946 г. из Германии и других стран, из них 960 039 прибыло из зон действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и 579 436 — из зон действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.)¹⁷. В 1945 г. из армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и соответственно их ровесники из числа военнопленных (свыше 280 тыс.) были отпущены по домам. Часть военнопленных недемобилюемых возрастов была зачислена в рабочие батальоны — это отнюдь не репрессированные, а одна из форм мобилизованной рабсилы (обычная практика в то время), и их направление к месту жительства ставилось в зависимость от будущей демобилизации их ровесников, продолжавших службу в Красной (Советской) армии. Большинство же военнопленных недемобилюемых возрастов было восстановлено на военной службе. Остается только спецконтингент НКВД (удельный вес — менее 15%), но при этом не надо забывать, что основную массу этой категории репатриированных военнопленных составляли лица, которые в свое время после пленения поступили на военную или полицейскую службу к противнику.

Р.А. Медведев предполагает, что до 1946 г. включительно органами НКВД было репрессировано от 2 до 3 млн человек, проживавших на территории СССР, подвергавшейся фашистской оккупации¹⁸. В действительности по всему Советскому Союзу в 1944—1946 гг. было

Таблица 2

Распределение репатриированных советских военнопленных по категориям* (по состоянию на 1 марта 1946 г.)

№ № п/п	Категории	Количество	
		чел.	в %
1.	Направлено к месту жительства	281 780	18,31
2.	Призвано в армию	659 190	42,82
3.	Зачислено в рабочие батальоны Наркомата обороны (НКО)	344 448	22,37
4.	Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	226 127	14,69
5.	Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	27 930	1,81
	ИТОГО	1 539 475	

*Источник: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

осуждено по политическим мотивам 321 651 чел., из них 10 177 приговорено к высшей мере (по учету I спецотдела МВД). Думается, большинство осужденных с бывшей оккупированной территории было наказано справедливо — за конкретную изменническую деятельность.

Имеющее широкое хождение в западной советологии утверждение, что во время коллективизации 1929—1932 гг. погибло 6—7 млн крестьян (в основном кулаков), не выдерживает критики. В 1930—1931 гг. в «кулацкую ссылку» было направлено немногим более 1,8 млн крестьян, а в начале 1932 г. их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн приходилась на смертность, побеги и освобождение «неправильно высланных». За 1932—1940 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 230 258, умерло 389 521, бежало 629 042 и возвращено из бегов 235 120 человек. Причем с 1935 г. рождаемость стала выше смертности: в 1932—1934 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 49 168 и умерло 271 367, в 1935—1940 гг. — соответственно 181 090 и 108 154 человека¹⁹.

В научной и публицистической литературе нет согласия в вопросе — причислять ли раскулаченных крестьян к жертвам политических репрессий или нет? Раскулаченные делились на три категории, и их общее число варьировалось в пределах от 3,5 млн до 4 млн (точнее установить пока сложно). Здесь следует сразу же отметить, что кулаки 1-й категории (арестованные и осужденные) входят в приводимую в таблице 1 статистику политических репрессий. Спорным является вопрос относительно кулаков 2-й категории, направленных под конвоем

на жительство в «холодные края» (на спецпоселение), где они находились под надзором органов НКВД, что очень походило именно на *политическую* ссылку. Кулаков 3-й категории, избежавших как ареста и осуждения, так и направления на спецпоселение, нет оснований, по нашему мнению, включать в число жертв политических репрессий. Попутно заметим, что из числа помещиков, у которых в 1918 г. была экспроприрована собственность, к жертвам политических репрессий можно относить только тех, кто в дальнейшем был арестован и осужден карательными органами советской власти. Нельзя отождествлять понятия «экспроприированные» и «репрессированные».

Нами изучен весь комплекс статистической отчетности Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР. Из него следует, что в 1930—1940 гг. в «кулацкой ссылке» побывало около 2,5 млн человек, из них порядка 2,3 млн — раскулаченные крестьяне и примерно 200 тыс. — «примесь» в лице городского деклассированного элемента, «сомнительного элемента» из погранзон и др. В указанный период (1930—1940) там умерло приблизительно 700 тыс. человек, из них подавляющее большинство — в 1930—1933 гг.²⁰ В свете этого известное и часто цитируемое утверждение У. Черчилля, что в одной из бесед с ним И.В. Сталин якобы назвал 10 млн высланных и погибших кулаков²¹, следует воспринимать как недоразумение.

В число жертв политического террора часто включаются умершие от голода в 1933 г., что вряд ли правомерно. Ведь речь-то идет о фискальной политике государства в условиях стихийного бедствия (засухи). Тогда в регионах, пораженных засухой (Украина, Северный Кавказ, часть Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана), государство не сочло нужным снизить объем обязательных поставок и изымало у крестьян собранный скудный урожай до последнего зернышка, обрекая их на голодную смерть. Полемика по вопросу о численности умерших от голода далека от своего завершения — оценки варьируются в основном в пределах от 2 млн до 8 млн²². По нашим оценкам, жертвами голодомора 1932—1933 гг. стали около 3 млн человек, из них примерно половина — на Украине. Наш вывод, конечно, не является оригинальным, поскольку примерно такие же оценки еще в 80-х годах XX в. давали историки В.П. Данилов (СССР), С. Виткрофт (Австралия) и др.²³

Главным препятствием для включения умерших от голода в 1933 г. в число жертв именно политического террора с выработанной в правозащитных организациях формулировкой «искусственно организованный голод с целью вызвать массовую гибель людей» является то обстоятельство, что фискальная политика была вторичным фактором, а первичным — стихийное бедствие (засуха). Не преследовалась также цель вызвать массовую гибель людей (политическое

руководство СССР не предвидело и не ожидало столь негативных последствий своей фискальной политики в условиях засухи).

До недавнего времени на Украине активно пропагандировалась идея (в том числе в научных кругах), что голод 1932—1933 гг. явился следствием антиукраинской политики Москвы, что это был сознательный геноцид в отношении украинцев и т.п. Но ведь точно в таком же положении оказалось население Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана и других районов, где царил голод. Здесь не было какой-то избирательной антирусской, антиукраинской, антиказахской или какой-то иной направленности. Собственно, такими же соображениями руководствовалась и Организация Объединенных Наций, отказавшаяся в 2008 г. большинством голосов признать факт геноцида украинского народа (хотя США и Англия и голосовали за такое признание, но они оказались в меньшинстве).

Сильно преувеличены также потери у депортированных в 1941—1944 гг. народов — немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и др. В прессе, к примеру, проскальзывали оценки, согласно которым до 40% крымских татар умерло при транспортировке в места высылки. Тогда как из документов следует, что из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151 529, а в пути следования умер 191 человек (0,13%)²⁴.

Другое дело, что в первые годы жизни на спецпоселении в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость. С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. у высланных немцев (без трудовой армии) родилось 25 792 и умерло 45 275, у северокавказцев (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и др.) соответственно 28 120 и 146 892, у крымчан (татары, армяне, болгары, греки) — 6 564 и 44 887, у высланных в 1944 г. из Грузии (турки-месхетинцы и др.) — 2 873 и 15 432, у калмыков — 2 702 и 16 594 человек. С 1949 г. у всех них рождаемость стала выше смертности²⁵.

Выселение отдельных народов, с лишением их исторической родины, иначе называемое этнической чисткой, однозначно входит в разряд гуманитарных преступлений.

В число безусловных жертв большевистского режима дилетанты от истории включают все людские потери во время Гражданской войны. С осени 1917 г. до начала 1922 г. население страны сократилось на 12 741,3 тыс. человек²⁶; сюда входит и белая эмиграция, численность которой точно неизвестна (ориентировочно 1,5—2 млн). Виновником Гражданской войны беспелляционно объявляется только одна противоборствующая сторона (красная), и ей приписываются все жертвы, включая свои собственные. Сколько в последние годы опублико-

валось «разоблачительных» материалов о «пломбированном вагоне», «кознях большевиков» и т.п.?! Не сосчитать. Нередко утверждалось, что не будь Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров, то и не было бы революции, Красного движения и Гражданской войны (от себя добавим: с таким же «успехом» можно утверждать, что не будь Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, то и не было бы Белого движения). Нелепость подобных утверждений совершенно очевидна. Самый мощный в мировой истории социальный взрыв, каковым являлись события 1917—1920 гг. в России, был предопределен всем предшествующим ходом истории и вызван сложным комплексом трудноразрешимых социальных, классовых, национальных, региональных и других противоречий. В свете этого наука не может расширительно толковать понятие «жертвы политических репрессий» и включает в него только лиц, арестованных и осужденных карательными органами Советской власти по политическим мотивам. Это значит, что жертвами политических репрессий не являются миллионы умерших от сыпного, брюшного и повторного тифа и других болезней. Таковыми не являются также миллионы людей, погибших на фронтах Гражданской войны у всех противоборствующих сторон, умершие от голода, холода и др. И в итоге получается, что жертвы политических репрессий (в годы красного террора) исчисляются вовсе не миллионами. Самое большее, о чем можно вести речь, — это о десятках тысяч.

По имеющемуся учету в ФСБ России, в 1918—1920 гг. за «контрреволюционную преступность» был осужден 62 231 человек, в том числе 25 709 — к расстрелу²⁷. Эти сведения составной частью входят в указанную выше статистику КГБ СССР (3 853 900 человек за 1918—1990 гг.). Мы считаем, что приведенная статистика по периоду Гражданской войны неполная. Там наверняка не учтены многие жертвы самосудов над «контрреволюционерами». Эти самосуды нередко вообще не документировались, а в ФСБ явно учтено только то количество, которое подтверждается документами. Вызывает также сомнение, что в 1918—1920 гг. в Москву поступала с мест исчерпывающая информация о числе репрессированных. Но даже с учетом всего этого, мы полагаем, что общее число репрессированных «контрреволюционеров» (включая жертв «красного террора») в 1918—1920 гг. едва ли превышало 100 тыс. человек.

Наши публикации с опирающейся на архивные документы статистики политических репрессий, заключенных ГУЛАГа, «кулацкой ссылки» оказали существенное влияние на западную советологию, заставив ее отказать от своего главного тезиса о якобы 50—60 млн жертв советского режима. От опубликованной архивной статистики западные советологи не могут просто так отмахнуться, как от назойливой мухи, и вынуждены принимать ее в расчет. В подготовленной

в конце 1990-х годов французскими специалистами «Черной книге коммунизма» этот показатель снижен до 20 млн²⁸.

Но даже этот «сниженный» показатель (20 млн) мы не можем признать приемлемым. В него вошли как ряд достоверных, подтвержденных архивными документами, данных, так и оценочные цифры (многомиллионные) демографических потерь в Гражданской войне, умерших от голода в разные периоды и др. Авторы «Черной книги коммунизма» в число жертв политического террора включили даже умерших от голода в 1921 г. (голодомор в Поволжье), чего ранее ни Р.А. Медведев, ни многие другие специалисты в этой области никогда не делали.

Тем не менее, сам факт снижения (с 50—60 млн до 20 млн) оценочных масштабов жертв советского режима свидетельствует о том, что в течение 1990-х годов западная советология претерпела значительную эволюцию в сторону здравого смысла, но, правда, застряла на полпути в этом позитивном процессе.

По нашим подсчетам, строго опирающимся на документы, получается не более 2,6 млн при достаточно расширенном толковании понятия «жертвы политического террора и репрессий». В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн скончавшихся в местах высылки (включая «кулацкую ссылку»), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.). Составляющие наших расчетов соответствуют сразу четырем критериям, указанным в «Черной книге коммунизма» при определении понятия «жертвы политического террора и репрессий», а именно: «расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти»; «депортация — смерть во время транспортировки»; «смерть в местах высылки»; «смерть в результате принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод)»²⁹.

В итоге мы имеем четыре основных варианта масштабов жертв (казненных и умерщвленных иными способами) политического террора и репрессий в СССР: 110 млн (А.И. Солженицын); 50—60 млн (западная советология в период «холодной войны»); 20 млн (западная советология в постсоветский период); 2,6 млн (наши, основанные на документах, расчеты).

В приведенную нами статистику репрессированных по политическим мотивам входят как невинно пострадавшие, так и получившие по заслугам (полицаяи, каратели, зондеркомандовцы и т.п.). Определение соотношения между ними (и по численности, и по удельному весу) нуждается еще в своем исследовании и уточнении.

¹ Земсков В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; *Его же*. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Там же. № 45; *Его же*. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944—1951 годы // История СССР. 1990. № 4; *Его же*. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2; *Его же*. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Там же. № 6, 7; и др.

² Известия. 1992. 3 авг.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205.

⁴ Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 нояб.

⁵ Davies R., Wheatcroft S. Steven Rosefield's "Kliukva" // Slavic Review. December 1980. Vol. 39; Wheatcroft S. On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union. 1929—1956 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35, no. 2; Getty A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938. New York, 1985; Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933—1953. Philadelphia, 1991; и др.

⁶ Правда. 1990. 14 февр.

⁷ Вечерняя Москва. 1990. 14 апр.

⁸ Размышления по поводу двух гражданских войн: интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

⁹ Шатуновская О.Г. Фальсификация // Аргументы и факты. 1990. № 22.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2—3; Д. 1190. Л. 1—34; Д. 1390. Л. 1—21; Д. 2740. Л. 1, 5, 8, 14, 26, 38, 42, 48, 52, 58, 60, 70, 96—110; Д. 2891. Л. 1, 6, 11, 16, 18; Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 1—2; Возрождение надежды. М., 1999. № 8. С. 3; Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: документы и факты. М., 1999. С. 22, 35, 41, 43, 45, 49; Население России в XX веке: ист. очерки. М., 2000. Т. 1. С. 319, 320; М., 2001. Т. 2. С. 195.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 195.

¹² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2887. Л. 64.

¹³ Там же. Д. 330. Л. 55; Д. 1155. Л. 1—3; Д. 1190. Л. 1—34; Д. 1390. Л. 1—21; Д. 1398. Л. 1; Д. 1427. Л. 132—133, 140—141, 177—178.

¹⁴ Антонов-Овсеенко А.В. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апр. С. 3.

¹⁵ Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.

¹⁶ Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny. N. Y., 1980. P. 212.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223—226.

¹⁸ Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 нояб.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 216.

²⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960: автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра ист. наук. М., 2005. С. 34, 35.

²¹ Черчилль У. Вторая мировая война: пер. с англ. М., 1955. Т. 4. С. 493.

²² Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографическая катастрофа» 30—40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116—121; Конквест Р. Жатва скорби // Там же. 1990. № 4. С. 86; Население России в XX веке. Т. 1. С. 270, 271.

²³ Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 250.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 241—242.

²⁵ Там же. Д. 436. Л. 14, 26, 65—67.

²⁶ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 98, 118.

²⁷ Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997. С. 180; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

²⁸ Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии: пер. с фр. М., 1999. С. 37.

²⁹ Там же. С. 36.